

Ф.Д. Батюшков

**На памятник А.П. Чехову:
стихи и проза**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.Д. Батюшков**
На памятник А.П. Чехову: стихи и проза / Ф.Д. Батюшков – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 200 с.

ISBN 978-5-517-99505-6

ISBN 978-5-517-99505-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„На памятникъ А. П. Чехову”.

СТИХИ И ПРОЗА.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. А. П. Чеховъ по воспоминаніямъ о немъ и письмамъ, Ф. Д. Батюшкова.
2. Стихотворенія.
  - а) Посвященіе Плещева А. П. Чехову (1888 г.).
  - б) Памяти Чехова.
  - в) Стихотворенія.
3. Изъ переписки А. П. Чехова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза”, Больш. Подъяческая, 39.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго сборника едва ли нуждается въ поясненіи и оправданіи. Два слова лишь о его происхожденіи и составѣ. Уже на другой день послѣ похоронъ А. П. Чехова въ газетахъ появились извѣстія о пожертвованіяхъ на сооруженіе памятника скончавшемуся писателю и учрежденіе школы его имени. Суммы направлялись въ редакцію журнала «Русская Мысль». Размѣры ихъ еще не были опредѣлены, но трудно ожидать, чтобы безъ правильно организованной подписки дѣло двинулось впередъ очень быстро. Желая по возможности содѣйствовать скорѣйшему осуществленію этого плана, возникшаго такъ непосредственно у почитателей Чехова, нѣсколько молодыхъ писателей задумали издать къ годовицинѣ его смерти литературный сборникъ. Инициатива принадлежитъ стихотворцамъ — А. М. Василевскому и А. А. Лукьянову, подчинившимся всецѣло обаянію поэтической прозы Чехова, и пожелавшимъ прежде всего сплести вѣнокъ изъ стихотвореній на его могилу. Къ названнымъ лицамъ присоединились еще — В. В. Башкинъ и Г. А. Галина. Для выработки общаго плана изданія и его редактированія въ цѣломъ инициаторы сборника обратились къ Ѳ. Д. Батюшкову, которому поручена была и вступительная статья къ сборнику. Такъ составила редація изъ пяти лицъ. Планъ изданія выяснялся отчасти въ зависимости отъ поступившаго матерьяла послѣ сдѣланныхъ въ газетахъ публикацій. Въ редакцію прислана была изъ разныхъ концовъ Россіи масса стихотвореній, но, къ сожалѣнію, значительнымъ большинствомъ ихъ редація не могла вос-

пользоваться по соображеніямъ внѣшнимъ или внутреннимъ, т. е. либо содержаніе ихъ не подходило къ изданію, имѣвшему определенное назначеніе, либо искреннее чувство не умѣло еще найти себѣ соответствующее выраженіе въ художественной формѣ. Пришлось ограничить выборъ между стихотвореніями авторовъ съ болѣе или менѣе извѣстными именами. Многие поэты уже выразили свою скорбь по утратѣ дорогого имъ писателя тотчасъ послѣ его кончины или въ годовщину смерти, и редакция сборника сочла умѣстнымъ прежде всего собрать эти стихотворенія, разсѣянные по разнымъ газетамъ и журналамъ. Такъ составились два первыхъ отдѣла помѣщаемыхъ ниже стихотвореній, къ которымъ присоединено лишь нѣсколько еще не бывшихъ въ печати. Въ третьемъ отдѣлѣ (в) помѣщены исключительно оригинальныя стихотворенія, которыя по настроенію, по темамъ или сюжетамъ, имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ творчеству Чехова.

Сборникъ памяти Чехова неизбежно долженъ былъ принять личную окраску, и составителямъ его естественно думалось, что чѣмъ болѣе въ немъ окажется „самого Чехова“, тѣмъ достойнѣе будетъ почтена его память. Отсюда мысль собрать его письма. (рядомъ послѣ кончины Чехова отрывки изъ его корреспонденціи стали появляться въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, и сразу же были оцѣнены: Чеховъ несомнѣнно обладалъ исключительнымъ талантомъ и въ эпистолярномъ родѣ. Его письма, по художественной простотѣ формы и сжатой выразительности разсѣянныхъ въ нихъ мыслей, сопоставляли съ письмами Пушкина. Интересъ ихъ внѣ всякаго сомнѣнія, даже если принять во вниманіе, что не всякое мимоходомъ брошенное замѣчаніе имѣетъ устойчивое значеніе продуманной и проверенной мысли: особенностью именно эпистолярнаго рода представляется непосредственность выраженія порой многолетнаго впечатлѣнія. Иногда эти впечатлѣнія сразу отливаются въ законченную форму думы или афоризма; иногда они показатель только настроенія минуты. Нужно, конечно, различать эти двѣ категоріи „мыслей“ и остерегаться выводовъ на основаніи отдѣльно вытѣченныхъ фразъ изъ корреспонденціи. Но значеніе писемъ опредѣляется и независимо отъ конечныхъ выводовъ относи-

тельно міросозерцанія, взглядовъ и убѣжденій писателя. У Чехова они прежде всего рисуютъ намъ человека,—большого художника,—необыкновенно живого, отзывчиваго, благожелательнаго, безконечно остроумнаго и находчиваго. Сколько въ нихъ и непосредственнаго юмора и неподдельнаго чувства. Какъ легко А. П. переходитъ отъ серьезнаго тона къ шуткѣ и, обратно, отъ безразличнаго излюженія къ глубокому и мѣткому замѣчанію, которое вспыхиваетъ яркимъ огонькомъ, даже на сѣромъ фонѣ какого нибудь дѣловаго письма. Надо надѣяться, что со временемъ выйдетъ полное собраніе писемъ Чехова. Началомъ ему да послужатъ помѣщаемыя ниже 50 съ лишнимъ писемъ, часть которыхъ уже была напечатана въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, а около трети появляется здѣсь впервые. Не воспроизведены лишь записки безразличнаго содержанія или отрывки, не имѣющія самостоятельнаго значенія.

Освященію личности Чехова посвящена и вступительная статья о немъ, по воспоминаніямъ и письмамъ, и, такимъ образомъ, въ сборникъ „на памятникъ Чехову“ въ общемъ приносится больше всего то, что исходитъ отъ него самого. Новые, не бывшіе еще въ печати, снимки съ портретовъ Чехова (на ряду съ двумя, тремя портретами уже бывшими въ печати) были любезно предоставлены для изданія братомъ покойнаго, Михаиломъ П. Чеховымъ, равно какъ и текстъ крайне интереснаго письма Антона Павловича изъ Абаціи, адресованнаго неизвѣстному лицу. Н. Л. Щегловъ сообщилъ текстъ письма Чехова Д. В. Григоровичу, любезно предоставленный для напечатанія въ настоящемъ изданіи его владѣльцемъ г. Бахрушинымъ, и нѣсколько неизданныхъ писемъ къ нему самому. А. А. Плещеевъ предоставилъ нѣсколько, тоже не бывшихъ еще въ печати, писемъ Антона Павловича къ его отцу и т. д. Объемъ изданія приневоливалъ къ нѣкоторому ограниченію въ выборѣ писемъ, но разъ этому дѣлу положено начало, нельзя не пожелать его продолженія въ будущемъ въ интересахъ наивозможно полнѣйшаго освѣщенія личности Чехова и того богатаго матерьяла, который, судя по имѣющимся у насъ образцамъ, въ нихъ заключается, скажемъ даже для исторіи цѣлаго литературнаго періода или цѣлой половы въ жизни русскаго общества. Чеховъ неодно-

кратно выступаетъ въ своихъ письмахъ и критикомъ и изобличителемъ; онъ даетъ характеристики современниковъ, оцѣниваетъ литературныя произведенія и высказывается о разныхъ явленіяхъ жизни. Какъ не признать во всемъ этомъ богатѣйшія данныя даже для будущаго историка русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій.

Внѣшнія обстоятельства на время задержали изданіе сборника. Событія, переживаемыя Россіей, временно заслонили интересы культурной жизни, а Чеховъ былъ по преимуществу именно „культуристомъ“, т. е. интересовался главнымъ образомъ духовной жизнью индивидуумовъ и общества, и всего болѣе сочувствовалъ успѣхамъ культурной работы. Это задача, которая, конечно, никогда не можетъ быть упразднена. Перерывъ обусловленъ гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Они еще продолжаютъ тяготѣть надъ обществомъ, парализуя нормальный ходъ жизни. Но въ завѣтахъ и идеалахъ лучшихъ нашихъ художниковъ и мыслителей почерпаются силы и для дальнѣйшей борьбы съ неблагопріятными обстоятельствами во имя правды, добра и свободы, которыхъ неуклоннымъ поборникомъ былъ и Чеховъ, за все время своей литературной дѣятельности. Чествовать его память—значитъ служить тѣмъ же идеямъ.

Чистый доходъ съ настоящаго изданія для намѣченной цѣли будетъ пересылаться въ журналъ „Русская Мысль“, въ составъ редакціи котораго Чеховъ вступилъ незадолго до смерти, и куда уже были отправлены первыя пожертвованія „на памятникъ Чехова“.

I.

А. П. Чеховъ,

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ О НЕМЪ И ПИСЬМАМЪ

(Опытъ характеристики).

А. П. Чеховъ въ 1884 году.

Ни объ одномъ русскомъ писателѣ еще не появлялось въ короткій срокъ одного года послѣ его кончины такого количества воспоминаній о немъ, рассказовъ о встрѣчахъ съ нимъ, случайныхъ разговоровъ и подхваченныхъ на лету „словечекъ“, отрывковъ изъ писемъ и т. д., при общемъ благоговѣйно-любовномъ отношеніи къ его личности и какой-то особой сердечной симпатіи къ его духовному облику, какъ объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. И если были въ томъ числѣ весьма незначительныя сообщенія о встрѣчахъ и знакомствѣ, которыя не избѣгли въ свое время остроумной пародіи г. Дорошевича (въ „Русск. Сл.“), то остался рядъ очерковъ-воспоминаній о Чеховѣ авторовъ съ крупными литературными именами, давшихъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ освѣщеніе личности „несравнимаго художника“, какъ называлъ Чехова Левъ Никол. Толстой, и подошедшихъ къ его оцѣнкѣ съ разныхъ сторонъ. Быть можетъ, мы теперь еще не получаемъ полного, законченнаго образа, во всей сложности дарованій художника и

свойствъ человѣка, но главнѣйшія черты его духовнаго облика намѣчаются достаточно рельефно—и это почти непосредственно послѣ его кончины. Чехову въ данномъ отношеніи исключительно повезло.

Произошло оно, конечно, не случайно. Всѣ воспоминанія и характеристики свидѣтельствуя прежде всего о необыкновенномъ обаяніи Чехова, которому подчинялись лично его знавшіе, объ его умѣніи съ каждымъ обойтись не только привѣтливо, но съ какой-то задушевной лаской, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ давалъ отпоръ, уходилъ въ себя, старался отдѣлаться, принявъ сухой тонъ или прибѣгая къ насмѣшкѣ. Но чтобы вызвать этотъ отпоръ, нужны были особенныя причины, и даже въ такихъ случаяхъ онъ старался избѣгать всякой рѣзкости. Его любили многіе, люди разныхъ взглядовъ и направленій, разныхъ темпераментовъ и убѣжденій. Любили больше знавшіе его, чѣмъ даже многіе цѣнители и почитатели его произведеній, такъ какъ далеко не всѣ, признававшіе его крупный литературный талантъ, относились съ одинаковой симпатіей къ его настроеніямъ. Теперь говорятъ даже, что „чеховская Россія“ умерла. Это невѣрно: она преобразуется, но въ основныхъ чертахъ живетъ, несмотря на рѣзкую переменъ внѣшнихъ условій и даже переменъ настроеній—живетъ хотя бы „потенціально“ въ каждомъ изъ насъ, какъ неизмѣнно живы гоголевскіе типы и характеры, тургеневскіе „герои“ и женскіе образы, щедринскія изобличенія свойствъ русскаго человѣка и т. д. Мы еще вернемся къ Чехову, когда пройдетъ острый періодъ переустройства нашего гражданскаго быта, вернемся потому, что во многомъ обязаны ему той „переоцѣнкой цѣнностей“, изъ которой создаются основы обновленной, свободной страны.

Личное обаяніе Чехова, повидимому, зависѣло не только отъ того, что онъ и въ жизни сохранялъ отличительныя свойства своихъ дарованій, какъ писателя, проявлялъ необыкновенную чуткость, восприимчивость, былъ находчивъ и безконечно остроуменъ въ бесѣдѣ, также какъ и въ письмахъ и въ писаніяхъ, умѣлъ сразу найти мѣткое опредѣленіе, подсказать неожиданный выводъ—словомъ, что его творческая мысль работала не только, когда онъ „бралъ перо въ руки“, а въ постоянномъ обиходѣ жизни: какъ человѣкъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ восполнялъ художника, и въ силу этого многое въ его литературной дѣятельности представляется съ инымъ значеніемъ въ освѣщеніи его личности. Къ этому сопоставленію человѣка и писателя, нужно, конечно, относиться съ большою осторожностью. Поможетъ намъ самъ Чеховъ сразу намѣтить грань.